

главляют объединение художник и ученый. Художник становится Пророком, проповедником новой религиозной этики. В традиционных религиях человек силен только верой, его сила — лишь следствие благой воли Бога. С точки зрения технократа сила человека — это собственная сила интеллекта и воли ученого. Богоскопдатая, Бог-даритель должен быть отвергнут, ибо «человек не выносит, чтобы такой свидетель жил» [5, 192].

Естественная жизнь обесценилась. Страхование и регулирование не отменяют ее неизбежностей (хотя бы простую неизбежность рождений и смертей). С позиции техновласти жизнь должна дублироваться и исправляться даже на уровне ее индивидуально-го воспроизводства.

Таким образом, XXI век вновь ставит интеллектуалов перед необходимостью исследовать возможность Религии (воссоединения) и человеческого бессмертия, их совместимость с «принципом индивидуации», когда врожденная индивидуальность накладывается на культурный индивидуализм. Науке, учитывая ее мировоззренческую и социально-преобразующую функции, в решении этой задачи принадлежит отнюдь не второстепенная роль.

1. Ногез Д. Уэльбек как он есть. Екатеринбург, 2006.
2. Уэльбек М. Элементарные частицы: Роман. М., 2006.
3. Фейербах Л. Избр. филос. произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1955.
4. Уэльбек М. Расширение пространства борьбы: Роман. М., 2004.
5. Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990.

Т. И. Пронько
Екатеринбург

ОБРАЗЫ НАУКИ И ТЕХНИКИ В КУЛЬТУРЕ: РУБЕЖИ XIX—XX И XX—XXI ВЕКОВ

XX век породил техническую цивилизацию такого масштаба, которого еще не знало человечество. Эта новая цивилизация начала свое победное шествие, сметая традиционные ценности культуры, которые создавало человечество веками. Н. Бердяев одним из первых почувствовал и забил тревогу по этому поводу в работах «Воля к жизни и воля к культуре», «Кризис искусства», «Смысл истории», «Судьба России» и других. В этих работах он писал о различиях культуры и цивилизации, связывая последнюю

с научно-техническим прогрессом и утверждая, что «цивилизация имеет не природную и не духовную основу»¹, «она, прежде всего, технична, в ней торжествует техника над духом, над организмом»². Культура же, по Бердяеву, это «культ предков, ее признаки: символичность, иерархичность, органичность»³. При этом критерии для оценки культуры Бердяев берет, ориентируясь на культуру XIX века.

В философской науке конца XIX — начала XX века появление такого феномена, как машина застает философов в состоянии растерянности, этот феномен шокирует своей необычностью и новизной. Не случайно для Бердяева, например, машина не обладает духовным содержанием. На основании чего и происходит противопоставление духовной культуры бездуховной цивилизации. В то же время сама машина является в том числе и продуктом духовной деятельности человека. Вначале возникает идея машины в голове конструктора, потом она изображается в виде чертежа, и уже конечный результат — сборка на конвейере (материализация этой идеи из металла, пластмассы, стекла и т.д.). Таким образом, и в самом феномене машины духовность имеет место быть.

Другой аспект философской науки конца XIX — начала XX века и конца XX — начала XXI века, который необходимо рассмотреть, — это взаимодействие машины и техники с человеком. Для развития производства требуется все большая информационная наполненность, более глубокая специализация. А эта более глубокая информационная наполненность требует проникновения в самые интимные стороны человеческой деятельности. Рыночные отношения также вносят свою лепту в этот процесс. Таким образом, человек конца XIX — начала XX века и конца XX — начала XXI века формируется в иной среде по сравнению хотя бы с XIX веком.

Влияние чувств, эмоций в культуре XXI века уменьшается, специализация плохо совместима с целостным восприятием природы. Человек под воздействием СМК и других технических средств становится более подверженным манипуляции, лишаясь все больше таких качеств, как неповторимость, индивидуальность и т.д. На смену духовности, неповторимости и индивидуальности приходит так называемая массовая культура, цель которой — в первую очередь выгодно продать товар, а все остальное — потом.

В свете сказанного опасения О. Шпенглера, Н. Бердяева и других философов о судьбах духовности и культуры не кажутся такими уж беспочвенными. Можно понять и заявления Шпенглера и Бердяева о том, что «там, где начинается цивилизация, кончается культура». Об этих же тенденциях пишет Ортега-и-Гассет. Пытаясь выделить основные параметры культуры и искусства XX столетия, он отмечает такие признаки, как дегуманизация, отказ от изображения «живых форм», превращение творчества в игру, тяготение к иронии вместо метафизики, отказ от трансцендентности, то есть отказ признать существование чего-то лежащего за пределами нашего опыта, и т.д.

Что же ждать нам от культуры рубежа XX—XXI столетий в связи со столь грустными прогнозами философов начала XX века? Итак, культура умерла, да здравствует цивилизация, но уже без культуры? Или же все-таки есть будущее у культуры? Обратимся к творчеству Н. Бердяева. Он связывает понятие культуры с культом предков, а культ предков для него — это религия, которая является высшим олицетворением духовности и, следовательно, культуры.

В России в начале XX века предпринимались активные попытки уничтожить религию, тем самым были подорваны основы духовности и культуры: «распалась связь времен». Увы, индустриализация плюс электрификация всей страны не привели автоматически к взлету духовности в России, так как технический прогресс сам по себе не может подменить, заменить, возродить духовность — для этого и существует культура.

Каковы же судьбы культуры в XXI столетии? Россия во все времена была богата талантливыми людьми. Традиции великой русской культуры живы в современной науке и искусстве. Они развиваются в творчестве Ж. Алферова, А. Солженицина, В. Распутина, Н. Петрова, Ю. Башмета и других деятелей науки и искусства XXI столетия.

¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. стр. 211.

² Там же.

³ Там же.